

ПО ТУ СТОРОНУ ПРАВИЛ



АННА ЛИС



АННА ЛИС

По ту сторону правил

<https://litres.ru/74324978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история о Ким Джи Су — идеальной ученице, гордости школы, живущей по выверенному плану. Ли Хён У — опасный наследник империи, которого все боятся. Их миры сталкиваются, когда отец Хён У ставит Джи Су ультиматум: репетиторство для сына в обмен на будущее её семьи. Она вынуждена согласиться. Хён У привык, что все перед ним склоняются, но Джи Су смотрит на него без страха и видит его суть за маской безразличия. Принуждение перерастает в игру, где ставки высоки, а правила пишет сердце. Он готов уничтожить мир ради её улыбки, она — пожертвовать репутацией ради него. Вопрос: переживут ли их чувства гнев родителей, яд врагов и тысячи километров разлуки, или любовь между льдом и пламенем сгорит дотла. Книга для поклонников дорам и историй от ненависти до любви.

Содержание

АННА ЛИС	4
Глава 1. Лед и Пламя	5
Глава 2. Принуждение к близости	9
Глава 3. Территория зверя	12
Глава 4. Хрупкий покой	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

По ту сторону правил

АННА ЛИС

© Иллюстрация на обложке Максима Кочетова.

© Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Глава 1. Лед и Пламя

Сеульская старшая школа «Синхва» существовала в безупречном ритме строгих правил, но даже за её безукоризненным фасадом пульсировала теневая иерархия. Ким Джи Су, прижимая к груди стопку учебников, бесшумно скользила по полированному полу коридора, словно тень.

Она была воплощением хрупкости — изящная фарфоровая статуэтка, случайно попавшая в мир грубых линий. Кожа редкого, почти прозрачного молочного оттенка лишь оттеняла естественный алый её губ, будто она только что пригубила вишнёвый нектар. Длинные, идеально прямые волосы цвета воронова крыла тяжёлым шёлковым водопадом ниспадали по плечам. Даже строгая школьная юбка была подшита с математической точностью — ни миллиметром выше дозволенного. Но больше всего выделялись её глаза: глубокие, карие, с бездонной безмятежностью, которая раздражала окружающих. Казалось, в них застыло тихое озеро, которое не в силах взволновать ни один шторм.

Внезапно живой поток учеников впереди рассекся надвое, беспокойно прижавшись к стенам. Воздух прорезал тяжёлый, размеренный стук каблуков — звук, знакомый каждому и наводивший леденящий ужас.

Он шёл по центру коридора, как властелин, ступающий

по покорённым землям. Ли Хён У был неприлично, опасно красив. Его красота была подобна лезвию — завораживала и сулила порез. Высокий, с плечами, которые теснили швы пиджака элитной школы, он излучал грубую силу. Пепельно-платиновые волосы были нарочито небрежны, и одна непокорная прядь вечно падала на пронзительные, узкие глаза. В их стальном отблеске застыл немой вызов всему миру. На смуглой шее, чуть виднеясь из-под воротника безупречной рубашки из египетского хлопка, извивалась тонкая, как паутина, татуировка в форме клинка.

Он остановился перед Жи Су, перекрыв собой свет. Воздух сгустился, став тягучим и беззвучным. Хён У медленно наклонился, и волна дорогого парфюма с терпкими нотами табака, кожи и сандала окутала её. Его взгляд, тяжёлый и оценивающий, скользнул по её лицу, надолго задержавшись на губах, а затем поднялся к глазам.

И там, вопреки всему, он не нашёл ни капли страха, ни тени подобострастия. Лишь ту же самую, невыносимо спокойную безмятежность, которая всегда выводила его из себя. Уголок его чувственного рта дёрнулся в едва уловимой усмешке, больше напоминавшей оскал загнанного в угол хищника.

— С дороги, отличница! — прорычал он низким, привыкшим к немедленному повиновению голосом, ожидая увидеть в её глазах знакомый ужас.

Жи Су даже не дрогнула. Её спокойный, ясный взгляд

встретился с его горящим, и она произнесла тихо, но так чётко, что каждое слово отпечаталось в внезапно воцарившейся тишине:

— Коридор достаточно широк для нас двоих, Хён У. Просто сделай шаг вправо.

Тишина стала осязаемой, плотной, как вата. Никто и никогда не произносил его имя — вот так — без трепета, без заискивания, просто как факт. Хён У медленно прищурился, и в глубине его стальных глаз вспыхнул опасный, голодный огонёк любопытства.

— Ты что, оглохла? — прошипел он сквозь зубы, ожидая, что она отпрянет, как все.

Но Джи Су лишь слегка склонила голову набок, словно изучая редкий экземпляр. Её взгляд не дрогнул.

— Я слышала тебя, Хён У. И повторю: коридор достаточно широк. Тебе не обязательно занимать его целиком.

Его пальцы сжались в кулаки, костяшки побелели. Это было не просто неповиновение. Это был вызов. Чёткий, холодный, брошенный прямо в лицо. Он привык, что его боятся, что его слово — закон. А эта девушка... она смотрела на него так, будто он был просто неудобной помехой, неудачно поставленной вазой на её пути.

— Ты уверена, что хочешь вот так со мной играть? — прошипел он, делая угрожающий шаг вперёд, сокращая и без того ничтожную дистанцию между ними до минимума.

Джи Су не отступила. Вместо этого она сделала лёгкий,

почти изящный шаг в сторону, освобождая ему путь.

— Я уверена, что хочу пройти, — её голос был ровным и прозрачным, как гладь горного озера в безветренный день. — А ты, Хён У, можешь выбрать: остаться здесь, загораживая пространство, или уступить дорогу. Выбор всегда за тобой.

Хён У замер. В её карих глазах не было ни тени страха, только спокойная, необъяснимая уверенность, крепкая, как скала. Это было что-то новое. Нечто, ломающее все его шаблоны. Он был мастером грубой силы и откровенного запугивания. Но здесь... здесь правила диктовали иные законы. И с леденящей ясностью он почувствовал, что в этой тихой, неприметной битве — проигрывает.

Глава 2. Принуждение к близости

Вечер того же дня принес Джи Су неожиданное приглашение в кабинет директора. Там ее ждал человек, чье появление заставило бы застыть кровь в жилах у кого угодно — отец Хён У, всемогущий глава крупнейшего в стране чеболя. Разговор был натянутым и лаконичным: Хён У потерпел сокрушительный провал на всех тестах, и, если его не спасти, удар по репутации семьи будет бесповоротным. Джи Су, как первой ученице, сделали предложение, от которого невозможно отказаться: баснословная стипендия в обмен на частное репетиторство.

Джи Су, сжав кулаки до побелевших костяшек, пыталась унять предательскую дрожь. Предложение, звучавшее как изысканный приговор, повисло в воздухе, густом от аромата дорогого парфюма и невысказанных угроз. Она понимала: отказ здесь равносителен социальному самоубийству в мире, где связи и власть решают всё. Взгляд отца Хён У, ледяной и всеведущий, не оставлял сомнений — отныне нить ее будущего была намертво привязана к капризам его испорченного сына.

— Я... я согласна, — выдохнула Джи Су, чувствуя, как ее хрустальные мечты о престижном университете тают, словно иней под палящим солнцем.

Первое занятие проходило в пентхаусе семьи Ли. Хён У, развалясь на диване из мягчайшей кожи, закинул ноги на стеклянный столик с хромированными ножками.

— Думаешь, я стану слушать твои нравоучения? — усмехнулся он, едва она переступила порог.

— Мне безразлично, станешь или нет, — невозмутимо парировала она, раскладывая конспекты. — Но твой отец был категоричен: провалишь тест в пятницу — лишишься и байка, и всех счетов.

Хён У резко вскочил. Его высокий рост и первобытная аура обрушились на нее тяжелой волной. Он приблизился вплотную, загоняя ее в ловушку между холодной стеклянной поверхностью стола и огромным окном, за которым пылал вечерний мегаполис. Джи Су ощутила исходящий от него жар — жар презрения и вседозволенности.

— Слишком смела для девчонки, что весит меньше, чем колесо моего мотоцикла, — прошипел он, сокращая дистанцию так, что она почувствовала его дыхание.

Он ждал, что она отпрянет, закричит или заплачет. Но Джи Су вдруг подняла руку и... аккуратно поправила его съехавший набок галстук. Ее пальцы на мгновение коснулись кожи его шеи. Хён У вздрогнул, будто от удара током, его зрачки расширились. Это было первое в его жизни прикосновение, лишненное корысти, лести или страха.

— Садись, — тихо, но твердо сказала она. — Начнем с истории.

И, к собственному изумлению, самый опасный парень района безропотно опустился в кресло.

Глава 3. Территория зверя

Слухи о том, что «принцесса школы» проводит вечера в доме Ли Хён У, вспыхнули и разлетелись по коридорам со скоростью степного пожара, оставляя за собой шлейф из перешёптываний и любопытных взглядов. На перемене к Джи Су решительно направился Ким Мин Хо, капитан баскетбольной команды, чья самоуверенность граничила с наглостью. Он бесцеремонно опустил руку ей на плечо, словно имел на это полное право, и уже открыл рот, чтобы сказать очередное предостережение.

Но договорить не успел.

Хён У возник из ниоткуда, словно тень, отделившаяся от стены. Его появление ощущалось физически — резким падением температуры, воздухом, сгустившимся до состояния стекла. Не произнося ни слова, он перехватил запястье Мин Хо и сжал его так, что костяшки наглеца побелели, а на лбу выступила испарина.

— Руки, — обронил Хён У. Его голос, тихий и вязкий, как шёпот перед грозой, таил в себе отдалённый рокот надвигающегося шторма. — Ещё раз увижу тебя ближе, чем на три метра к ней — и ты навсегда забудешь, как держать мяч.

Он разжал пальцы, и Мин Хо отдёрнул руку, прижимая её к груди. Хён У медленно перевёл взгляд на Джи Су и соб-

ственническим жестом обнял её за плечи, словно ставя на ней невидимую печать: неприкосновенна. Только его. Этот жест был красноречивее любых слов — он словно очертил вокруг неё круг, в который никому не было позволено ступить.

Джи Су лишь устало вздохнула, мягко высвобождаясь из его хватки, но сцену при всех устраивать не стала. Она подняла глаза и встретила его взгляд — в нём плясал странный, почти хищный огонёк торжества. Это было жутко. И почему-то — во второй раз за последние минуты — заставило её сердце пропустить удар.

Мин Хо, бледный как полотно и с трудом сдерживая стон, лишь коротко кивнул. Он развернулся и отступил, его взгляд всё ещё метался между непроницаемым лицом Хён У и задумчивым — Джи Су. В его глазах читалась странная смесь страха, недоумения и... чего-то, похожего на горькую зависть. Толпа, собравшаяся вокруг них, замерла в немом оцепенении, наблюдая за этой безмолвной драмой. Шёпот, ещё мгновение назад бурливший, полностью стих.

Хён У, не обращая внимания на окружение, будто оно значило не больше, чем пыль на подоконнике, повернулся к Джи Су. Его взгляд, только что казавшийся ледяным, смягчился, но в глубине зрачков всё ещё дрожала напряжённая, готовая к действию сталь.

— Пойдём, — произнёс он уже обычным голосом, хотя в нём по-прежнему угадывалась металлическая нотка. — Нам

нужно поговорить.

Джи Су, понимая, что сопротивление здесь бесполезно — как против прилива, смирилась. Она кивнула. Знала: разговор будет долгим и, вероятно, не из приятных. Но в глубине души, там, где она боялась признаться даже себе, не могла отрицать: в этом собственническом жесте, в этой безоговорочной уверенности Хён У было что-то, от чего её сердце билось чуть быстрее. Бросив короткий взгляд на Мин Хо — тот всё ещё стоял, словно вкопанный в пол, — она заметила в его глазах не только страх, но и тень того самого чувства, которое сама старалась в себе подавить.

Они пошли прочь, оставляя за спиной ошеломлённую толпу и капитана, который лишь когда они скрылись за поворотом, наконец, позволил себе выдохнуть. Его рука всё ещё ныла от стального сжатия.

Джи Су чувствовала на себе десятки взглядов, но научилась не обращать на них внимания. Шаги Хён У были размеренными, спокойными, и в каждом из них чувствовалась скрытая, всепоглощающая сила. Когда они отошли достаточно далеко, где их никто не мог услышать, он остановился и развернулся к ней лицом.

— Ты в порядке? — спросил он. В его голосе прозвучала искренняя, неподдельная забота, которая так разительно контрастировала с недавней агрессией, что Джи Су на мгновение растерялась.

Она кивнула.

— Да. Просто... это было неожиданно.

— Он слишком близко подошёл, — ответил Хён У, и его взгляд снова ожесточился, стоило ему вспомнить Мин Хо.

— Я не выношу, когда кто-то прикасается к тебе без разрешения.

— Но ты... ты так сильно сдавил ему руку, — прошептала Джи Су, всё ещё пытаюсь осмыслить произошедшее.

— Он должен был понять, — спокойно, словно речь шла о рутине, ответил Хён У. — Я дал ему понять: ты моя. И я не потерплю подобного поведения.

Джи Су почувствовала, как жаркая волна заливают её щёки.

— Твоя? Хён У, мы же...

— Пока нет, — перебил он. В его глазах мелькнул такой огонёк, от которого у неё перехватило дыхание. — Но скоро будешь. И все в этой школе это знают. Или совсем скоро узнают.

Он снова обнял её за плечи. На этот раз — мягче, но в этой мягкости было не меньше уверенности, чем в стальном захвате минуты назад.

— Не обращай внимания на слухи, Джи Су. Они были и будут. Главное — я знаю правду. И я сделаю всё, чтобы никто и никогда не причинил тебе вреда

Джи Су подняла на него глаза, пытаясь разглядеть за этой собственнической натурой что-то ещё, более глубокое. В его взгляде, обычно таком спокойном и задумчивом, сейчас по-

лыхал огонь, который одновременно пугал её и притягивал с силой, против которой невозможно было бороться.

Глава 4. Хрупкий покой

Третий час медленно таял в библиотеке поместья Ли, словно восковая свеча, догорающая в тишине. За окном стужались сумерки, окрашивая комнату в мягкие, призрачные синие тона — цвета предчувствия и полузабытых снов. Джи Су, чьи слова о тонкостях корейской литературы ещё недавно звенели живостью, угасала, как эхо, растворяющееся в вечернем воздухе. Бессонные ночи, проведённые в лихорадочной подготовке к олимпиаде, и незримый груз родительских ожиданий брали своё, оставляя на её лице тени усталости.

Голова её, словно уставшая птица, нашла приют на раскрытом томике стихов. Хён У, до этого искусно изображавший сосредоточенность над рисунком в тетради, замер, забыв о карандаше. Он долго смотрел на неё — такую беззащитную в этом внезапном, хрупком сне. Без привычных строгих очков, с ровным, умиротворённым дыханием, нарушавшим тишину, она казалась иной — не той, что бросала ему вызовы, а той, кого хочется беречь от мира.

Он медленно, почти не дыша, протянул руку. Пальцы, привыкшие к твёрдости графита и напряжению, дрожали, словно листья на ветру. Лёгкое касание пряди её волос — они оказались невероятно мягкими, источающими тонкий аромат лавандового шампуня, нежный, как летний вечер.

Хён У осторожно заправил локон ей за ухо, задержав ладонь у виска, чувствуя тепло её кожи сквозь пальцы. Сердце в груди забилося так отчаянно, что он испугался: не разбудит ли этот оглушительный стук её безмятежный сон? В этот миг он осознал с пугающей ясностью: его «власть» над ней была лишь иллюзией, хрупкой паутиной самообмана. На самом деле он сам оказался в её полной власти — безоговорочно и навсегда.

Взгляд его скользнул по её лицу, задерживаясь на чуть приоткрытых губах, на ресницах, отбрасывающих лёгкие тени на бледную кожу. Впервые он видел её такой: не собранной, не целеустремлённой, а просто спящей девушкой, чья усталость была так осязаема, что почти физически давила на него. В памяти всплыли обрывки их разговоров, её колкие замечания, её смех, который всегда казался ему слишком звонким, слишком уверенным. Сейчас же всё это отступило, растворившись в полумраке, уступив место чему-то новому, неизведанному, что разрасталось в груди, как цветок, распускающийся в ночи.

Он почувствовал странное, незнакомое тепло, разливающееся по груди — томное и тягучее, как мёд. Это было не то привычное раздражение, которое она часто вызывала, и не то соперничество, что подстёгивало его к новым свершениям. Это было что-то более глубокое, более нежное — чувство, которое он не смел назвать. Он хотел защитить её от всех этих олимпиад, от родительских ожиданий, от всего,

что заставляло её так уставать. Хотел, чтобы она всегда была такой — спокойной, умиротворённой, безмятежной, чтобы этот хрупкий покой никогда не покидал её лица.

Хён У осторожно отдёргнул руку, словно боясь нарушить хрупкое равновесие этого мгновения. Он снова взял карандаш, но теперь взгляд его был прикован не к рисунку, а к Жи Су. Он начал рисовать её — спящую, незащищённую, прекрасную. Каждый штрих был наполнен этим новым, непонятным чувством, каждое движение карандаша — молитвой, обращённой к тишине.

Его пальцы, привыкшие к твёрдости графита и шероховатости бумаги, теперь ощущали лишь пустоту, словно что-то важное было утеряно навсегда. Он смотрел на лист, где вместо привычных линий и форм теперь проступал образ той, что так неожиданно перевернула его внутренний мир. Её спящее лицо, освещённое мягким светом, казалось ему произведением искусства, созданным самой природой, а не его рукой, — и он боялся, что никогда не сможет передать всей её красоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.